

Николай
ЛЕСКОВ

**ЕВРЕЙ
В
РОССИИ**

**Николай
ЛЕСКОВ**

**ЕВРЕЙ
В
РОССИИ**

**Несколько замечаний
по еврейскому вопросу**

Москва «Книга» 1990

ББК 84Р1-4
Л50

Л 4702010104-135
002(01)-90 Без объявл.

ISBN 5-212-00577-9

© Л.А.Аннинский, предисловие, 1990
В.Радецкий, оформление, 1990

Лесков, читаемый сегодня

История этого текста, написанного популярнейшим русским классиком и, однако, до сей поры практически читателям неизвестного, выясняется из двух источников: из книги Андрея Лескова “Жизнь Николая Лескова” (М., 1984. Т.2. С.226-228) и из комментариев известного историка и архивиста Юлия Гессена. История такова. После того как на юге России в 1881-1882 гг. прошла волна погромов, царское правительство решило создать для рассмотрения причин произошедшего особую комиссию. Ее возглавил граф К.Пален. Вопрос стоял в следующей плоскости: являются ли погромы ответом “толпы” на эксплуатацию, которой якобы подвергали евреи окружающее население, и соответственно надо ли для устранения причины погромов пресечь экономическую деятельность евреев и отгородить их от прочего населения или надо решать еврейскую проблему на путях общего развития народной жизни, вовлекая евреев в общегражданский процесс. Таков был контекст.

Стремясь участвовать в работе комиссии Палена и влиять на ее решения, еврейская община Петербурга решила подготовить соответствующие материалы, заказав нескольким писателям, евреям и неевреям, тематические разработки. Лесков был избран в качестве автора по теме “быт и нравы евреев”.

Выбор Лескова в качестве автора был неслучаен, хотя и не лишен пикантности: автор “Владычного суда”, “Жидовской кувырколлегии” и “Ракушанского меламеда” считался в

этом вопросе признанным экспертом, однако не избежал и обвинений в антисемитизме, довольно, впрочем, темных и смутных как по причине их абсурдности, так и потому, что подобные обвинения бывает унизительно опровергать.

В начале 1883 г. к Лескову явился с соответствующим предложением юрист П.Л.Розенберг. Лесков на его предложение согласился и засел за работу. К декабрю того же года он написал очерк “Еврей в России. Несколько замечаний по еврейскому вопросу”, объемом около пяти листов. 21 декабря 1883 г. текст был цензурирован и отпечатан брошюрой в количестве 50 экземпляров, предназначенных не для продажи, а исключительно для комиссии Палена. Автор указан не был.

На своем личном экземпляре Лесков сделал надпись: “Эту книгу, напечатанную с разрешения министра внутренних дел графа Дм. А. Толстого, написал я, Николай Лесков, а представил ее к печати некий Петр Львович Розенберг, который отмечен ее фиктивным автором”. Экземпляр с этой надписью, переданный сыном писателя в архив, впоследствии пропал. Утрачены были практически и все 50 книжек тиража. Однако сведения о тексте проникли в печать: обсуждались и цитировались фрагменты из него в отчетах о работе комиссии. Узкий круг знал секрет авторства: сохранилось письмо Н.Лескову от Владимира Соловьева, что тот прочел “Еврея в России” и что “по живости, полноте и силе аргументации” считает его лучшим по этому предмету трактатом, какой только знает. Однако сколько-нибудь широкому кругу читателей работа Н.Лескова осталась неизвестной: она не вошла не только ни в одно из прижизненных изданий его сочинений, но и в библиографические указатели его творчества. Русский писатель, выступивший в защиту евреев, остался при своей темной и смутной в этом отношении репутации. В России такое бывает.

Продолжилась эта история треть века спустя. В 1916 г. Юлий Гессен совершенно случайно наткнулся на черновик и

беловик анонимной рукописи по еврейскому вопросу (что и привлекло его, так как Гессен был крупнейшим знатоком темы и инициатором “Еврейской энциклопедии”). Вчитавшись, он припомнил что-то близкое в отчетах комиссии Палена. Остальное было вопросом техники: сличив почерк, Гессен убедился, что у него в руках авторский оригинал лесковского очерка. В 1919 г. Гессен издал его в Петроградском государственном издательстве отдельной книжкой, тиражом 60 тысяч экземпляров, с именем автора Н.С.Лескова на обложке и его портретом. Заголовок очерка в издании Гессена немного исказился: “Евреи в России”. Вступительная статья Ю.Гессена увенчивалась справкой “от издательства”, удостоверявшей, что “предлагаемая брошюра Н.С.Лескова печатается полностью, без всяких сокращений, несмотря на ее устарелость (написана 35 лет тому назад)”.

Однако и это издание не сделало работу Лескова по-настоящему известной. Тираж в 60 тысяч быстро разошелся и исчез с поверхности. С тех пор очерк Лескова не переиздавался. Мои попытки включить фрагменты “Еврея в России” в однотомник публицистики Лескова, который я составлял и комментировал в 1987г. для издательства “Советская Россия”, успеха не имели. Мои попытки просветить на этот счет зарубежных славистов (например, американского профессора М.Фридберга) были встречены улыбками, потому что в США и Канаде работа Лескова издана и не составляет секрета. Таким образом, перед нами встает традиционная задача догнать Америку. Подробнее я эту историю изложил в журнале “Литературное обозрение” № 8 за 1988г.

Для настоящего издания выбраны фрагменты, которые в наименьшей степени этнографичны и в наибольшей степени актуальны для наших размышлений о межнациональных отношениях. Это не значит, что в других отношениях брошюра Лескова устарела — она отнюдь не устарела, хотя написана уже более ста лет назад. Но не всё сразу. Даже и по

выбранным фрагментам читатель может судить о том, какую позицию Лесков занимал в данном вопросе и как он умел защитить свою позицию в обстановке, не менее острой и сложной (я имею в виду национальные отношения), чем нынешняя.

Л. Аннинский

... Но действительно ли евреи такие страшные и опасные обманщики или “эксплоататоры”, какими их представляют? О евреях все в один голос говорят, что это “племя умное и способное”, притом еврей по преимуществу реалист, он быстро схватывает во всяком вопросе самое существенное и любит деньги как средство, которым надеется купить и наичаще покупает все, что нужно для его безопасности.

Ум малоросса приятный, но мечтательный, склонен более к поэтическому созерцанию и покою, характер этого народа мало подвижен, медлителен и не предприимчив. В лучшем смысле он выражается тонким, критическим юмором и степенною чинностью. В живом, торговом деле малоросс не может представить никакого сильного отпора энергической натуре еврея, а в ремеслах малоросс вовсе не искусен. О белорусе, как и о литвине, нечего и говорить. Следовательно, нет ничего естественнее, что среди таких людей еврей легко добивается высшего заработка и достигает высшего благосостояния.

Чтобы привести эти положения в большее равновесие, мы видим только одно действительное средство — разредить нынешнюю скученность еврейского населения в ограниченной черте его нынешней постоянной оседлости и бросить часть евреев к великороссам, которые евреев не боятся.

Но предлежит также вопрос: есть ли в действительности такой вред от еврейского обманщичества даже при нынешней подневольной скученности евреев в сравнительно тесной

черте? Это считается за несомненное, но, однако, есть формула, что на свете все сомнительно. Как судить о еврейском обманщичестве: по экономической статистике или по впечатлениям на людей, более одаренных живым даром наблюдения, или, наконец, по сознанию самого простонародья?

Попробуем проследить это. Экономическая статистика сама по себе суха и мертва: по ней трудно сделать живой осмысленный вывод, общесторонне и верно выражающий действительность. Может случиться, что статистика покажет меньший процент нищенства в местности более производительной, но менее трудолюбивой и нравственной, и наоборот. Чтобы руководиться статистическими цифрами, надо обладать хорошим и притом очень многосторонним знанием всех условий быта страны. Иначе, например, если судить по количеству нищих, то наибольшее число их, как известно, падает на долю Москвы, Тулы, Орла и Курска и их губерний, находящихся совсем не в неблагоприятных условиях и притом закрытых для еврейской конкуренции. Кто намножил здесь нищих, приседающих всем святыням московским?

Конечно, не еврей.

В черте же еврейской оседлости нищенство христиан без всякого сравнения менее нищенства московского, где население образцово-живое, или орловского и курского, где общая слава помещает “житницу России”. Самые реестровые нищие — промышленники Киево-Печерской лавры — по преимуществу великорусского происхождения, удалившиеся сюда по расчетам своего нищенского промысла.

Составитель этой записки имел не мало поводов убедить-ся в том, сколь небезопасно полагаться на выводы статистики, особенно статистики, составленной теми способами, какими ведется это дело в России. Но и статистика дает показания не в пользу тех, кто думает, что где живет и действует еврей, там местное христианское простонародье беднее. Напротив, результат получается совершенно противополож-

ный. То же самое подтверждают и живые наблюдения, которые доступны каждому проехавшему хоть раз по России. Стоит только вспомнить деревни малороссийские и великорусские, черную, курную избу орловского или курского мужика и малороссийские хутора. Там опаленная застреха и голый серый взлобок вокруг черной и полураскрытой избы, — здесь цветущая сирень и вишня около белой хаты под густым покровом соломы, чисто уложенной в щетку. Крестьяне малорусские лучше одеты и лучше едят, чем великороссы. Лаптей в Малороссии не знают, а носят кожаные чоботы; плуг возят здесь двумя, тремя парами волов, а не одною клячкою, едва таскающею свои собственные ноги. И при этом, однако, еще малороссийский крестьянин гораздо ленивее великорусского и более его сибарит: он любит спать в просе, ему необходим клуб в корчме, он “не уважает” одну горилку, а “потягает сливняк и запеканку, яку и пан пье”, его девушка целую зиму изображает собою своего рода прядущую Омфалу, а он вздыхает у ее ног. Она прядет с комфортом не у скаредного дымящего светца, в который воткнута лучина, а у вымоканной жидом свечки, которую приносит девушке вежливый парубок и сам тут же сидит вечер у ног своей Омфалы. Это уже люди, которым доступны и нужны душевные нежности.

По совести говоря, не надо быть особенно зорким и особенно сильным в обобщениях и сравнениях, чтобы не видеть, что малороссийский крестьянин среднего достатка живет лучше, достаточнее и приятнее соответственного положения крестьянина в большинстве мест великой России.

Если сравним наихудшие места Белоруссии, Литвы и Жмуди с тощими пажитями неурожайных мест России или с ее полесьями, то снова и тут получим такой же самый вывод, что в России не лучше. А где действительность показала нам нечто лучшее, то это как раз там, где живет жид. Вреден он или не вреден, но он не помешал этому лучшему,

даже несмотря на сравнительно меньшую заботу малороссийского народа о своем благосостоянии.

И так “лучше” живет не один крестьянин, а и другие обыватели. Известно, что здесь лучше живет и городской и местечковый мещанин, а малороссийское духовенство своим благосостоянием далеко превосходит великорусское. Малороссийский сельский священник никогда собственноручно не пашет, не сеет и не молотит и не унижается за грош перед суеверным простолюдином. Он не позволяет катать себя по полю, чтобы репа кругла была, и не дает чесать своих волос, чтобы лен зародил длинный. Малороссийский батюшка ездит не иначе как в бричке с кучером, да иногда еще на четверке.

Человек, имевший случаи наблюдать то, что нами здесь излагается, вероятно, не увидит в нашем описании никакой натяжки и согласится, что все лица, о которых мы упомянули, в Малороссии живут лучше, чем в великой России.

Кроме этих наблюдений, заслуживает внимания и простонародное суждение о вреде, какой приносит своими обманами жид своему христианскому соседу. Суждение это выражено простолюдинами в пословицах и поговорках, которые мы теперь имеем в пользующихся почтением науки “сборниках” Снегирева и Даля.

Народ обстоятельно изучил и категорически расположил, кто в какой мере восхождения именит в его глазах по совершенству в искусстве обманства. Пословица говорит: “Мужик сер, но ум у него не черт съел”, а другая: “Мужика обманет цыган, цыгана обманет жид; а жида обманет армянин; армянина обманет грек, а грека обманет только один черт, да и то, если ему Бог попустит”.

Жид по этому выводу наблюдательного народного ума только обманчивее цыгана, а выше его стоят два несравненно более искусные артиста, — если не считать третьего, т.е. “черта”, так как этот проживает, где хочет, без прописки.

Чтобы заставить народ думать иначе, как он положил в своей пословице, надо его переуверить, что жид обманнее армянина и грека, а это невозможно.

К тому же в июне 1883 года газета "Русь" опубликовала такие сведения, что смешно и говорить о еврейской эксплуатации. Оказывается, что сами малороссы теперь уже боятся не евреев, а немцев, из коих "каждый тяжелее десяти евреев".

Если же еврей, как мы думаем, не может быть уличен в том, что он обессилил и обобрал дозволенный для его обитания край до той нищеты, которой не знают провинции, закрытые для еврея, то, стало быть, огульное обвинение всего еврейства в самом высшем обманщичестве может представляться сомнительным. А тогда факт "эксплоатации" может быть принимаем за непререкаемый только теми, кто не боится ошибок и несправедливости против своего ближнего. Принадлежать к этому разряду людей надо иметь большую отвагу и очень сговорчивую совесть. Но если еврей совершенно безопасен в отношении религиозном (как совратитель) и, быть может, не более других опасен в отношении экономическом (как эксплуататор), то нет ли достаточных причин оберегать от него великорусское население в отношении нравственном? Не опасен ли он великороссам как растлитель добрых нравов, на коих зиждется самое высшее благосостояние страны?

Заботливое правительство, конечно, должно и об этом подумать. Оно поистине не превысит своих обязанностей, если попечется еще о том, что лучший русский драматург А.Н.Островский назвал "жестокими нравами нашего города". Правительство приобретет себе даже за это общую благодарность.

Посмотрим, какой вред для нравов сделал еврей в тех местах, где он живет; тогда видно станет, чем он способен угрожать в другом месте, куда просится.

Нравы в Малороссии и в Белоруссии везде сравнительно много выше великорусских. Это общепризнанный факт, не опровергаемый никем и ничем, ни шутками и сбивчивыми цифрами уголовной статистики, ни высоким и откровенным словом народной поэзии. Малороссийская звучная песня, как дар лесных дриад, чиста от выражения самых крайних помыслов полового схождения. Мало того, малороссийская песня гнушается бесстыжего срамословия, которым преизобилует народное песнетворчество в России. Малороссийская песня не видит достойного для себя предмета во всем, что не живет в области сердца, а приветает, так сказать, у одной “тесовой кровати”, куда сразу манит и здесь вершит любовь песня великорусская. Поэзия, выражающая дух и культ народа в Малороссии, без сомнения, выше, и это отражается во все стороны в верхних и нижних слоях общества. Лермонтов, характеризуя образованную малороссиянку, говорит: “От дерзкого взора в ней страсти не вспыхнут пожаром, полюбит не скоро, зато не разлюбит уж даром”. И, нисходя отсюда разом к низжайшей степени женского падения, отмечает другой факт: нет примера, чтобы малороссийская женщина держала притон разврата. Профессия эта во всей черте еврейской оседлости принадлежит или немкам, или полякам, или же еврейкам, но в сем последнем случае преимущественно крещеным.

Стало быть, еврей не испортил женских нравов своих соседей иного племени. Идем далее. Говорят: “евреи распаивают народ”. Обратимся к статистике и получаем факт, который представляет дело так, что опять рождается сомнение: распаивает ли жид малороссов?

Оказывается, что в великорусских губерниях, где евреи не живут, число судимых за пьянство, равно как и число преступлений, совершенных в пьяном виде, постоянно гораздо более, чем число таких же случаев в черте еврейской оседлости. То же самое представляют и цифры смертных случаев от

опойства. Они в великороссийских губерниях чаще, чем за Днепром, Вилиею и Вислой. И так стало это не теперь, а точно так исстари было.

Возьмем те времена, когда еще не было публицистов, а были только проповедники, и не было повода нарекать на жидов за растление русского народа пьянством. Развертываем дошедшие до нас творения св. Кирилла Туровского в XII веке и что же слышим: святой муж говорит уже увещательные слова против великого на Руси пьянства; обращаемся к другому русскому святому — опять тоже Кириллу (Белозерскому), и этот со слезами проповедует русским уняться от “превеликого пьянства”, и, к сожалению, слово высокого старца не имеет успеха. Святость его не одолевает хмельного загула, и Кирилл делает краткую, но ужасную отметку:

“Люди ся пропивают, и души гибнут”.

Ужасно, но жид в том нимало не повинен. “История церкви” (митрополита Макария, проф. Голубинского и Знаменского), равно как и “История кабаков в России” (Прыжова) представляют длинный ряд свидетельств, как неустанно духовенство старалось остановить своим словом пьянство великорусского народа, но никогда в этом не успевало. Напротив, случались еще и такие беды, что сами гасильники загорались... “Стоглав” встретил уже надобность постановлять, чтобы “священнический и иноческий чин в корчмы не входили, не упивались и не лаяли”. Так духовенство, обязанное учить народ словом и примером, само подпало общему обвинению в “пьянственном оскотении”. Миряне жалуются на учителей, а учителя на народ — на “беззаконников от племени смердя”. Об этом говорят живая речь народа, его песни, его сказки и присловья и, наконец, “Стоглав” и другие исторические материалы о лицах белого и черного духовенства, которые были извергаемы или отдаваемы под начало в монастыри. Пьяницы духовного чина прибывали в монастыри в столь большом количестве, что северные обители протесто-

вали наконец против такого насыла и молили начальство избавить их от распойных попов и иноков, которые служат вредным примером для монахов, из числа коих им являлись усердные последователи и с ними вместе убегали. Явление — ужасное, но, к несчастью, слишком достоверно засвидетельствованное для того, чтобы в нем возможно было сомневаться. Во все это время жидов тут не было, и как св. Кирилл Белозерский, так и знатные иностранцы, посетившие Россию при Грозном и при Алексее Михайловиче, относили русское распойство прямо к вине народного невежества — к недостатку чистых вкусов и к плохому усвоению христианства, воспринятому только в одной внешности. Перенесение обвинения в народном распойстве на евреев принадлежит самому новейшему времени, когда русские, как бы в каком-то отчаянии, стали искать возможности возложить на кого-нибудь вину своей долгой исторической ошибки. Евреи оказались в этом случае удобными; на них уже возложено много обвинений; почему бы не возложить еще одного, нового? Это и сделали.

Почин в сочинении такого обвинения на евреев принадлежит русским кабатчикам — “целовальникам”, а продолжение — тенденциозным газетчикам, которые ныне часто находятся в смешном и жалком противоречии сами с собою. Они путаются в своих усилиях сказать что-нибудь оригинальное и то представляют русское простонародье отменно умным и чистым и внушают, что оно-то именно будто и в силах дать наилучший тон русской жизни, то вдруг забывают свою роль апологетов и признают это же самое учительное простонародье бессильным противостоять жидовскому приглашению пропить у него в шинке за стойкою весь свой светлый ум и последние животы.

Блажен, кто может находить в этом смысл и логику, но справедливый и беспристрастный человек здесь видит только одно суетливое мечтание и пустое разглагольствие, кото-

рое дало один видный исторический результат: разграбление евреев. Результат этот, вовсе не желанный правительству, был, однако, приятен некоторым тенденциозным писателям, принявшим на свою часть если не поддерживать погромы, то по крайней мере извинять их с точки зрения какой-то народной Немезиды.

Из многих обвинений против евреев, однако, справедливо то, что евреи в черте своей оседлости во множестве промышляют шинкарством. Чтобы отвергать это, надо иметь тупость или недобросовестность некоторых пристрастных защитников еврейства. Гораздо важнее для дела — рассмотреть причины этой “склонности евреев” к шинкарству, без которой в России как будто не достало бы своих русских кабатчиков и было бы лучше.

Прежде всего стоит уяснить: какое соотношение представляет число евреев-шинкарей к общему числу евреев ремесленников и промышленников, занимающихся иными делами. Вероятно, если посвятить этому делу много труда, то можно было бы достичь очень любопытных результатов, которые показали бы, что шинкарей много менее, чем слесарей, пекарей и сапожников. Но труд этот будет очень велик, и мы не располагаем нужными для него материалами. К счастью, и здесь, как и в других случаях, простая беспристрастная наблюдательность дает полную возможность иметь о деле довольно ясные представления.

В любом местечке, где есть пять, шесть шинкарей,— все остальное еврейское население промышляет иными делами; и в этом смысле окольные жители из христиан находят в труде тех евреев значительные удобства не для пьянства. Евреи столярничают, кладут печи, штукатурят, малярят, портняжничают, сапожничают, держат мельницы, пекут булки, куют лошадей, ловят рыбу. О торговле нечего и говорить; враги еврейства утверждают, что “здесь вся торговля в

их руках”. И это тоже почти правда. Какое же отношение имеют все занятые такими разнообразными делами люди к кабатчикам? Наверно, не иное, как то отношение, какое представляют христиане-кабатчики города Мещовска или Черни к числу прочих обывателей этих городов. Если же в еврейских городках и местечках соотношение это будет даже и другое, т.е. если процент шинкарей здесь выйдет несколько более, то справедливость заставит при этом принять в расчет разность прав и подневольную скученность евреев, при которой иной и рад бы заняться чем иным, но не имеет к тому возможности, ибо в местности, ему дозволенной, есть только один постоянный запрос — на водку.

Христианин не знает этого стеснения; он живет, где хочет, и может легко избрать другое дело, но, однако, и он тоже кабакает и в этом промысле являет ожесточенную алчность и бессердечие.

Художественная русская литература, до пригнетения ее газетною письменностию, относилась к жизни не только справедливее, но и чутче; и в ней мы встречаем типы таких кабатчиков, перед которыми бледнеет и меркнет вечно осторожный и слабосильный жидок. И это писали не только европейски известные люди из поместного дворянства, но и литераторы, вышедшие сами из русского простонародья (напр., Кольцов и Никитин). Им нельзя было не знать настоящее положение дел в русских селах, городах и пригородах, и что же мы встречаем в их известных произведениях? Русский кабатчик, “как паук”, путает единоверного с ним православного христианина и опутывает его до того, что берет у него в залог свиту с плеч и сапоги с ног; топор из-за пояса и долото с рубанком; гуся в пере и барана в шкуре; сжатый сноп с воза и несжатый урожай на корню. Теперь говорят: “Надо уважать мужика”, но гр. А.Толстой, когда шло такое же учение, спрашивал: “Уважать мужика, но какого?”

Если он не пропьет урожаю,
Я тогда мужика уважаю.

Беда, по словам этого поэта, в том, что:

Русь... испилась, искралася,
Вся изворовалася.

И опять это сделалось без всякого соучастия жида, при одной помощи русских откупщиков и целовальников.

Поэты и прозаики, изображавшие картины русского распойства, не преувеличивали дела, а, напротив, художественная литература наша не выразила многого, ибо она гнушалась простонародности до Пушкина (в поэзии), до Гоголя (в повествовании) и до Островского (в комедии). А потому вначале в литературе замечался недостаток внимания к сельскому быту, и она впала в ошибочный сентиментализм. Иначе художественная литература отметила бы сцены еще более возмутительные, как, напр., старинное пропойство жен и уступку их во временное пользование за вино и брагу, что, как явствует из дел, еще не совсем вывелось и поныне.

История в этом случае строже и справедливее. Несмотря на все русское небрежение к этой науке, она нам систематизировала страшные материалы для "Истории кабаков в России". Кто хочет знать правду для того, чтобы основательно судить, сколь сведущи некоторые нынешние газетные скорописцы, укоряющие евреев в распойстве русского народа, тот может найти в "Истории кабака" драгоценные сведения. Там собраны обстоятельные указания: кто именно главным образом был заинтересован в этом распойстве, и кто тому служил, и чем радел ему, и на каком основании.

"Страсть к питве" на Руси была словно прирожденная: пьют крепко уже при Святославе и Ольге: при ней "седоша Древляне пити". Св. князь Владимир публично сознал, что "Руси есть веселие пити", и сам справлял тризны и братчины и почестные пиры. Христианство, которое принял св. Владимир, не изменило его отношения к пиршествам. "Постави

князь Владимир церковь в Василеве и сотвори праздник велик, варя 300 провор меду”. Некоторые ученые полагают, что этой склонности самого князя к “почестным пирам” Русь в значительной степени обязана тем, что она не сделалась магометанскою. При Тохтамыше “русские упивахуся до великого пьяна”. Со временем эту страсть “к питве” захотели было уничтожить, — так, при Иване III народу было запрещено употреблять напитки; при его преемнике кн. Василии — отгородили слободу “в наливках”, где могли пить и гулять его “поплечники”, т.е. сторонники и преданные слуги. Иван Грозный, взяв Казань, где был “ханский кабак”, пожелал эксплуатировать русскую охоту к вину в целях государственного фиска, и в Московской Руси является “царев кабак”, а “вольных винщиков” начинают преследовать и “казнить”. Новою государственною операциею наряжены были править особые “кабацкие головы”, а к самой торговле “во царевом кабаке” приставлены были особые продавцы “крестные целовальнички”, т.е. люди клятвою и крестным целованием обязанные не только “верно и мерно продавать вино во царевом кабаке”, но и “продавать его довольно”, т.е. они обязаны были выпродавать вина как можно больше. Они имели долг и присягу об этом стараться и действительно всячески старались заставлять людей пить, как сказано, “для сбора денег на государя и на веру”. Такой же смысл, по существу, имели контракты откупщиков с правительством в 28 великороссийских губерниях в откупное время.

В должность целовальников люди шли не всегда охотно, но часто подневольно. Должность эта была не из приятных, особенно для человека честного и мирного характера. Она представляла опасность с двух сторон: где народ был “распойлив”, там он был и “буйлив” — “чинился силен”, и присяжных целовальников там бивали и даже совсем убивали, а государево вино выпивали бесплатно; в тех же местностях, где народ был “трезвен и обычаем смирен” или “вина за ску-

достью не пьют”, — там целовальнику “не с кого было донять пропойных денег в государеву казну”. И когда народ к учетному сроку не распил все вино, какое было положено продать в “цареве кабаке”, то крестный целовальник являлся за то в ответе. Он приносил повинную и представлял в свое оправдание, что ему досталось продавать вино “в негожем месте меж плохих питухов”. Нередко целовальник рассказывал, что “радея про государево добро, он тех плохих питухов на питье подвесеял и подохочивал, а кои упорны явились, тех не щадя и боем неволил”. Другие же чины в этом усердии крестному целовальнику помогали приучать народ к пьянству. В таких заботах, как видно из “Истории кабаков”, дело не ограничивалось одним “боем”, а иногда доходило и до “смертного убийства”. И вот тогда, как отмечает Сильвестр в своем Домострое, “множество холопов” стали “пьянствовать с горя”, и мужики, женки и девки, “у неволи плакав” (заплакав), начали “красти и лгати, и блясти и в корчме пити и всякое зло чинити”.

Сначала народ и духовенство просили “снести царевы кабаки”, потому что “подле государева кабака жить не мочно”, но потом привыкли и перестали жаловаться.

Удивительно ли после этого, что люди, от природы склонные к пьянству, при таких порядках распились еще сильнее, а те, которым не хотелось пить, стали прилежать сему делу, “заневолю плакав”, чтобы только избежать “смертного боя”.

Евреи во всей этой печальнейшей истории деморализации в нашем отечестве не имели никакой роли, и распойство русского народа совершилось без малейшего еврейского участия, при одной нравственной неразборчивости и неумелости государственных лиц, которые не нашли в государстве лучших статей дохода, как заимствованный у татар кабак.

/.../ Как только при императоре Александре II было дозволено евреям получать не одно медицинское образование в

высших школах, а поступать и на другие факультеты университетов и в высшие специальные заведения,— все евреи среднего достатка повели детей в русские гимназии. По выражению еврейских недоброжелателей, евреи даже “переполнили русские школы”. Никакие примеры и капризы других на евреев не действовали: не только в чисто русских городах, но и в Риге, и в Варшаве, и в Калише евреи без малейших колебаний пошли учиться по-русски и, мало того, получали по русскому языку наилучшие отметки. Учебная реформа, последовавшая при управлении министерством народного просвещения графом Дм. Андр. Толстым, возбудила против себя неудовольствия значительной доли русского общества, но со стороны евреев и она не встретила никакого неудовольствия. Напротив, это не только не уменьшило, но даже еще усилило приток еврейского юношества в классические гимназии. Удостоверяясь из разъяснений обстоятельных людей, что классическая система есть совершеннейшая и высшая форма образования, евреи даже радовались, что дети их усвоят самое лучшее образование. Они видели в этом успокоительный залог, что такое образование уже не может остаться втуне. Верили в это несомненно, да и нельзя было не верить, ибо тогда в тех органах печати, которые считались особенно компетентными по учебным вопросам, прямо и неуклонно указывали, что стране нужны люди классически образованные и что таким людям по преимуществу желают верить самые важные служебные должности. Евреи проходили факультеты юридический, математический и историко-филологический, и везде они оказали успехи, иногда весьма выдающиеся. До сих пор можно видеть несколько евреев на государственной службе в высших учреждениях и достаточное число очень способных адвокатов и учителей. Никто из них себя и своего племени ничем из ряда вон университетным не обесславил. Напротив, в числе судимых или достойных суда за хищение, составляющее, по выражению

Св. Синода, болезнь нашего века, не находится ни одного служащего еврея. Есть у нас евреи и профессора, из коих иные крестились в христианство в довольно позднем возрасте, но всем своим духом и симпатиями принадлежавшие родному им и воспитавшему их еврейству, и эти тоже стоят нравственно не ниже людей христианской культуры...

Казалось бы, все это стоило доброго внимания со стороны русских, но вместо того евреи в образованных профессиях снова показались столь же или еще более опасными, как и в шинке! Повторяем — евреев не было в числе достопримечательных служебных хищников, — они не попадались в измене; откуда же к ним пришла эта напасть, извратившая все их расчеты на права образования? В так называемой образованной среде нашлись люди, которые в появлении евреев на службе увидели то самое, что орловские “кулаки” заметили на подвозных трактах к своим рынкам. Еврей учился прилежно, знал, что касалось его предмета, жил не сибаритски и, вникая во всякое дело, обнаруживал способность взять его в руки и “эксплоатировать”, т.е. получить с него возможно большую долю нравственной или денежной пользы, которую всякое дело должно принести делателю и без которой, собственно, ничто не должно делаться в большом хозяйстве государства.

Эта способность “эксплоатировать” вмертве лежащие или уходящие из рук статьи подействовала самым неприятным образом на все, что неблагосклонно относится к конкуренции, и исторгла крик негодования из завистливой гортани. Слово “эксплоатация” заменило в новом времени слова времени николаевского: “изолированность” и “ассимиляция”. То, чего желал император Николай, по мнению политиков нового времени, выходило вредно. Выходило, что никакой “ассимиляции” не надо, и пусть жид будет по-прежнему как можно более “изолирован”, пусть он дохнет в определенной черте и даже, получив высшее образование, бьется в обидных

ограничениях, которых чем более, тем лучше. Лучше — это, конечно, для одних людей, желающих как можно менее трудиться и жить барственно, не боясь, что за дело может взяться другой “эксплоататор”.

/.../ Упованием евреев действительно опять остается один Егова, — один Он, обещавший через Иеремию “не отвергнуть рода Израилева от всех”.

Евреи не зовут отмщения Немезиды, они заодно с христианами верят, что “Бог поруган не бывает” (Гал.6,7), а в том, что делалось в последние годы над еврейством, есть прямое поругание самых священных чувств, возжженных в сердце человека, “эллина же яко иудея”. Во время разграбления евреев в Нежине и Балте было указано, что евреи в некоторых случаях “могли бы дать отпор, но не дали его”, — русская газета заметила: “еще бы!”, т.е. “еще бы” евреи посмели защищаться! — хотя, однако, защищать себя от нападающего насильника дозволяется и не вменяется в преступление.

Но, может быть, если нельзя защищать себя от побоев, а свое имущество от разграбления, то можно защищать мать, жену или дочь, если их насилуют на глазах их отцов и мужей? Но оказывается, что — тоже нет! И в этом еврей не должен сметь воспротивиться силою произволу христиан, бесчестящих еврейскую женщину...

К стыду русской печати, был случай, что одна распространенная газета, воспроизводя доказанное известие об изнасиловании буянами вместе с полицейскими солдатами двух еврейских женщин и одной девушки, нашла даже цинические шутки для смягчения события и одобрила, что евреи выдержали и это...

Вести себя так, чтобы шутить по поводу таких злодейств, значит — ругаться сердцу человека.

Указываемый нами возмутительный цинизм не оставался без отражения в народной массе: буйная чернь производила

последние свои бесчинства над евреями в Ростове в те самые дни, когда коленопреклоненная Москва перед лицом представителей всех европейских держав молилась Всевидящему о благополучии всех людей, над коими помазан царствовать наш нынешний император!..

И были ли это последние дни бесчинства?

Конец ли на этом?

Не будем напрасно и вопрошать о том, на что никто, надемся, не может дать достоверного ответа, пока положение евреев стоит в нынешней неясности. Но тени на еврейском горизонте сгущаются: говорить о их деле с беспристрастием стало уже не только неудобно, но даже и небезопасно. Защиту евреев в “Московских Ведомостях” г.Каткова представляют нечистою со стороны бескорыстия этого журналиста; о Стасюлевиче прямо напечатано, что у него “жиды взяли пай”, а третьему журналисту, Л.Полонскому, за слово в пользу евреев тоже печатно указано, будто он когда-то распространял польские прокламации.

Кто поручится, что завтра человек, имеющий не злое мнение о евреях, не будет таким же образом заподозреваем в секретном изготовлении фальшивых денег или динамита? Раздражение этим долго тянувшимся вопросом дошло до того, что людям, несогласным с жидотрепателями, остается выбирать только между необходимостью умолкнуть или же подвергаться таким инсинуациям, которые само правительство может быть поставлено в необходимость не оставлять без последствий. Даже и автор этого труда стяжал уже себе за свои идеи укоризны. Он мог ожидать встретить деловые поправки и указания, но их не последовало, а явились только сомнения и намеки насчет его способности знать дела и уметь излагать свои мнения.

Автор очень благодарен этим господам за снисхождение, с которым они не бросают, по крайней мере, теней на его денежную честность и политическую благонадежность, и,

пользуясь такими преимуществами, он позволил себе еще раз попытаться изложить, что ему известно о евреях, в надежде, что это не будет излишним для суждения об их деле.

Третья, вслед за сим идущая, часть этой записки представляет бытовую действительность еврейской жизни, какова она есть, если ее рассматривать без предубеждения и с верною меркою.

/.../ Точные определения высшей нравственности гораздо более трудны, чем указания, сделанные по заповедной линии и под нею. Героическое часто зависит от случая, а святое и доброе по природе своей всегда скромно и таится от похвал и шума.

Старая хроника Флавия и самая история осады Иерусалима Титом довольно свидетельствуют, что духу евреев не чужды героизм и отвага, доходившие до изумительного бесстрашия; но там евреи бились за свою государственную независимость. Ныне не в меру строгие суды еврейства часто требуют, чтобы евреи обнаруживали то же самое самоотвержение за интересы других стран, ими обитаемых, и притом без различия,— относятся ли эти страны к своим еврейским подданным как матери или как мачехи, и иногда самые недобрые мачехи. Такое требование, разумеется, несправедливо, и оно никогда и никем не будет удовлетворяемо. Но все-таки евреи и в нынешнем своем положении не раз оказывали замечательную преданность государствам, которых они считают себя согражданами. Мы видели еврейских солдат в рядах французской армии в Крыму, и они вели себя там стойко и мужественно; при осаде Парижа прусскими войсками немало еврейских имен сделались известными по преданности их патриотическому делу Франции, и литература и общество этой страны не только не отрицали заслуги евреев, но даже выставляли это на вид с удовольствием и с признательностью.

В Польше патриоты последнего восстания в своих зарубежных органах долго не уставали хвалиться доблестным, с их точки зрения, поведением евреев в эту критическую пору для восставших. Поляки упоминали также и о больших еврейских приношениях деньгами и о личном их участии в рядах повстанцев. А там при дезорганизации сил требовалось много самоотвержения и всегда было мало шансов на победы.

Мы, разумеется, не станем говорить о похвальности этого участия с русской точки зрения, но констатируем этот факт только как доказательство, что еврей способен и к высшей патриотической жертве в соучастии с иноплеменными людьми, среди коих он живет. Надо только, чтобы он не был ими обидно отталкиваем.

Мы думаем, что не иным чем оказался бы еврей и в России на стороне патриотизма русского, если бы последний в своих крайних проявлениях не страдал иногда тою обидною нетерпимостью, которая, с одной стороны, оскорбительна для всякого иноплеменного подданного, а с другой — совершенно бесполезна и даже вредна в государстве.

До чего доходит подобная бестактность, видно из того, что когда недавно один из еврейских органов, выходящих в России, попробовал было представить ряд очерков, свидетельствующих о мужестве и верности долгу воинской чести русских солдат из евреев в русских войнах, то это встречено было насмешками.

Что можно было найти худого в том, что еврейская газета рассказывает что-то о евреях, которые на службе вели себя, как следует вести хорошему солдату? Дай Бог таких, а еврейской газете делает честь, что она напоминает евреям не худые, а хорошие примеры. Кажется, так? Но не тут-то было: воодушевительные примеры были русскою газетою осмеяны и оскорблены самым обидным подозрением.

Так людей не привлекают к себе и не исправляют их, а только отталкивают и портят их еще более.

Подобным же образом встречается насмешками и многое другое со стороны тех евреев, которые льнут к русским своим дружелюбием и готовы слиться с ними как можно плотнее во всем. Таких евреев очень много, и кто их не знает.

Если же и есть евреи, которые не любят России, то это понятно: трудно пламенеть любовью к тем, кто тебя постоянно отталкивает. Трудно и служить такой стране, которая, призывая евреев к служению, уже вперед предрешает, что их служение бесполезно, а заслуги и самая смерть еврея на военном поле не стоят даже доброго слова. Не обидно ли, что когда русскому солдату напоминают пословицу, что “только плохой солдат не надеется быть генералом”, то рядом с ним стоящему в строю солдату-еврею прибавляют: “а ты, брат, жид, — до тебя это не касается...”

И затем после такого военного красноречия ведут рядом в огонь битвы обнадеженного русского и обезнадеженного еврея...

Не знаешь, чему более удивляться: этой бестактности или этой несправедливости, каких не позволяют себе люди нигде, кроме как в России.

По-настоящему все это не может вызвать ничего, кроме скрытой и затаенной, но непримиримой злобы... Однако подивимся: таких чувств нет у обиженных русских евреев. Пусть сегодня отнесется Россия к ним как мать, а не как мачеха, и они сегодня же готовы забыть все, что претерпели в своем тяжелом прошлом, и будут ей добрыми сынами.

Если считать за доблесть необязательные добровольные пожертвования на общественные дела воспитания и благотворения, то всем известно, что еврейские капиталисты в делах этого рода занимают в России не последнее место. Однако, по нашему мнению, гораздо большее значение имеет

еврейская благотворительность в кругу самого же еврейства. В этом деле всего лучше можно сослаться на многочисленных врагов еврейства, которые всегда и неустанно повторяют одну песнь о том, как “жид жиду пропасть не дает” и “жид жида тянет”.

Все это более или менее правда.

Почти невозможно указать другую национальность, где бы сочувствие своим было так велико и деятельно, как в еврействе. Враги евреев говорят: “у них это в крови, у них это в жилах”. Да, это совершенно справедливо, и мы можем на этот счет не желать и не разыскивать никаких других свидетельств. Но как вражда способна ослеплять людей и часто заставляет их говорить нелепости, то то же самое случилось и тут.

Недоброжелательные люди ставят в укоризну евреям, что их альтруизм ограничивается только средою людей их же племени и не распространяется в равной же мере на других. Один юдофобский орган в Германии недавно поставил казуистический пример: как бы поступил еврей, встретив на чужбине (в Лиссабоне) двух человек, нуждающихся в его помощи, из которых один был бы еврей, а другой не еврей, но только согражданин по государственному подданству. Причем нужды обоих этих людей были таковы, что путешествующий еврей был в состоянии помочь только одному из них, а не обоим.

“Кого бы из них он выбрал?” - спрашивает юдофобский орган и тут же утвердительно решает, что еврей непременно предпочел бы помочь еврею же. Это с восторгом подхвачено известными русскими органами и повторено на множество ладов как сильный аргумент против еврейского характера.

Странно слушать и самый этот пример, напоминающий детскую игру о перевозе в одной лодке волка, козы и капусты, но еще страннее внимать тем рацеям, которые разведены по этому поводу.

Во-первых, есть еврей и еврей, и в данном придуманном, частном случае справедливый ум не решился бы утвердительно высказать обобщающее заключение, как непременно поступит каждый еврей. Возможен, конечно, такой оборот, какой придумала фантазия немецкого публициста, — но еще более возможен и иной. Например, еврейский путешественник мог уделить свое пособие просто более достойному участию. Но если бы оба требующие помощи и в этом отношении были выравнены до безразличия, что возможно только в сказках, то еврейский путешественник (олицетворяющий в себе в данном случае все еврейское племя) не поступил бы предосудительно, если бы он отдал предпочтение именно еврею. По крайней мере, так и заставляет нас думать христианский авторитет апостола, указывавшего прежде заботиться “о присных по вере”.

Так же надо судить с точки зрения русских патриотов, которые чем крайнее в своих воззрениях на народность, тем настойчивее требуют всяких предпочтений для одних русских. Да, они именно требуют не равноправия, а предпочтений. Такие претензии выражались и столь умными людьми, как покойный Ю.О. Самарин, и многими другими, не идущими с Самариным ни в какие сравнения. Все эти русские писатели требуют “предпочтений” русским за одно их русское происхождение, и никто их за это не осуждает. Но еврею предосудительно любить и жалеть еврея. Почему?.. Или христианский апостол не дело говорил, внушая людям заботиться о “своих” прежде, чем о чужезверных?

Говоря об этом, чувствуешь, как будто ведешь речь с людьми, не ведающими ни писания, ни силы Божией, объединяющей людей единством веры, крови и языка.

Гневаться на это — все равно, что гневаться на Бога, перстом которого начертаны симпатии в сердцах человеческих.

Но отметим еще нечто иное.

Личному эгоизму одного человека противопоставляется альтруизм. Высшее и совершеннейшее представление альтруизма основательно указывают в учении христианском, повелевающим “любить ближнего, как самого себя” ... Высота, едва достигаемая, но иногда даже превосходящая меру положенной грани: “умереть за людей”, как умер Христос, по видимому, значит перейти эту грань, — значит любить тех, за кого умираешь, больше, чем самого себя. Однако ученые изъяснители христианства ставили точное обозначение, при котором любовь к ближнему не должна совсем забывать о себе: так, например, никто из любви к ближнему не должен принести в жертву своего человеческого достоинства. Никто не вправе унижить себя усвоением чужих пороков. Евреи это давно знали и кое-что делали, чтобы остерегать своих от многого, что, по их понятиям, нехорошо у иноплеменников. Евреи, например, трудолюбивы, бережливы, чужды мотовства, празднотлюбия, лености и пьянства, между тем всеми признано, что эти пороки очень сильно распространены среди многих народов иного племени. Евреи почти повсеместно стараются устранять свои семейства от этого рода соблазнов. Пьянице приятнее, чтобы с ним пили, игроку — чтобы с ним играли, блуднику — чтобы с ним шли к блуднице; но тешить таких людей податливостью не следует. Однако, к удивлению, такая-то именно осторожность вменяется евреям не в похвалу, а в порицание. Это самое и выставляют как стимул обособленности и замкнутости еврейства. Из любви к народам, среди которых евреи живут, они должны усвоить все намеченные слабости их культурных привычек; но такое соревнование не оправдали бы ни христианская мораль, ни экономические выгоды самых народов, требующих такой к себе любви.

К такому альтруизму еврейство не стремится, как не стремилось ни к чему подобному христианство первых трех веков.

Но еврейство поставляет немало личностей, склонных к высокому альтруизму, для осуществления идей которого известные лица еврейского происхождения жертвовали собою так же, как и христиане. Люди эти стремились и стремятся к своим целям различными путями, иногда законными, а иногда незаконными, что в последнее время стало очень часто и повсеместно. В первом роде нам известны евреи философы и гуманисты, прославившиеся как благородством своих идей, так и благочестием своей жизни, полной труда и лишений. Во втором, составляющем путь трагических, иногда даже бешеных порывов, ряды альтруистов еще не перечислены. Путь их чаще всего — путь ошибок, но ошибок, вытекающих не из эгоистических побуждений, а из стремлений горячего ума “доставить возможно большее счастье возможно большему числу людей”. Мы говорим теперь о евреях-социалистах. Деятельность их не оправдима с точки зрения разума, умудренного опытом, и преступна перед законами, но она истекает все-таки из побуждений альтруистических, а не эгоистических и мы ее только в этом смысле и ставим на вид. Кто так поступает — тот не большой эгоист.

При этом еще надо добавить, что евреи сего последнего закала обрекают себя на верную погибель не ради своего еврейского племени, к которому они принадлежат по крови, а, как им думается, ради всего человечества, то есть в числе прочих и за людей тех стран, где не признавали и не хотят признать за евреями равных человеческих прав...

Больше этой жертвы трудно выдумать.

Николай Семенович Лесков

ЕВРЕЙ В РОССИИ
Несколько замечаний
по еврейскому вопросу

Редактор Э.Б.Кузьмина
Технический редактор Е.Н.Волкова

ИБ 2244

Сдано в набор 20.10.90. Подписано в печать 5.11.90. Ф-т 84 x 108/32.
Бум. офсет. Гарнитура Сенчури. Печать офсетная. Усл.-печ.л. 1,68.
Усл.кр.-отт. 1,89. Уч.изд.л. 1,3. Тираж 100 000 экз. Изд. № 5176.
Заказ 669 .Цена 1 руб.

Издательство "Книга" 125047, Москва, ул. Горького, 50.

Отпечатано в московской типографии № 8.
101898, Москва, Центр. Хохловский пер., д. 7.

Николай Лесков.

Л50 Еврей в России. Несколько замечаний по еврейскому вопросу.— М.: Книга. 1990. —32 с.

Эта работа одного из крупнейших русских классиков практически неизвестна современному читателю. Она была написана по заказу царского правительства для особой комиссии, созданной после волны погромов 1881-1882 гг. Напечатана в количестве 50 экземпляров только для комиссии, не для продажи. Затем издана лишь однажды, в 1919 г. мизерным тиражом. Позже не удавалось ее включить ни в одно издание сочинений Лескова. Между тем мнение классика, его анализ сложной проблемы особенно актуальны сегодня, в дни обострения межнациональных отношений.

ББК 84Р1-4

Л $\frac{4702010104 - 135}{002 (01) - 90}$ Без объявл.

